

© Б.О. Майер, Д. В. Евзрезов

УДК 316 + 378

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Б. О. Майер, Д. В. Евзрезов (Новосибирск, Россия)

Соотноится кризис, развивающийся в современном обществе, с кризисами прошлого. Отмечается, что современная наука об обществе изучает не столько сегодняшний мир, сколько мир вчерашний. А гуманитарное и обществоведческое образование представляют картину того мира, который уже завершает свое существование, поскольку мир меняется быстрее, чем современная наука и образование способны это уловить. Не смотря на то, что происходящие современные изменения общества в литературе называют постмодерном, существует необходимость определить базовые составляющие эпохи предшествующего модерна и последующего постмодерна, так же как существует необходимость определить в целом современные трансформации общества, которым еще не даны терминологические определения. В представленном контексте авторы анализируют проблемы формирования науки и особенно системы высшего образования.

Ключевые слова: кризисы общественного развития, современная картина мира, трансформации современного общества, система высшего образования.

Как пишет А. Фурсов: «... в последние десятилетия с миром что-то произошло, что-то бесповоротно изменилось. Знакомый мир почти исчез. Наука об обществе изучает не столько сегодняшний мир, сколько – по инерции – мир вчерашний. Гуманитарное и обществоведческое образование представляет студенту в значительной степени картину того мира, который уже ушел. Мир меняется быстрее, чем наука в ее нынешнем состоянии способна это уловить» [1, с. 256].

Современный мир – это уже не только мир, в котором материальная база является предметом ожесточенного соперничества, в этом новом формирующемся мире ключ к успеху будет лежать в умелом управлении информационными возможностями и ресурсами. Сегодня стало абсолютно ясным, и это было подтверждено в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, что информационная сфера,

* Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (мероприятие 1.2.1, Гуманитарные науки, соглашение 14.В37.21.0985).

Майер Борис Олегович – доктор философских наук, профессор, профессор Международной кафедры ЮНЕСКО МГИМО(У), проректор по научной работе, Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: maierbo@gmail.com

Евзрезов Денис Валерьевич – аспирант кафедры философии, Новосибирский государственный педагогический университет.

являясь системообразующим фактором современного общества, активно влияет на состояние политической, экономической, «В чем суть НТР (*научно-технической революции – прим. авторов статьи*), ее главный итог? В результате НТР «нематериальные», невещественные, то есть информационные факторы производства стали играть господствующую роль по отношению к вещественным в рамках материального производства. Разумеется, они не отменили ни само это производство, ни ИСПС (*индустриальная система производительных сил – прим. авторов статьи*), но изменили субординацию элементов, резко увеличив значение и стоимость «нематериального» по отношению к «материальному» и надстроив над индустриальной системой новую – не постиндустриальную, а гипериндустриальную» [1, с. 262].

В этом контексте требуется рассмотреть проблемы науки и особенно образования, которые трансформируются как стихийно, так и сознательно. Например, болонская система, направленная на развитие университетского образования в Европе в том числе, приведения к общим стандартам образования, де-факто ставит на университетском образовании крест за счет его обеднения, снижения сложности системы университетского образования, ее ориентации исключительно на потребности рынка «сегодняшнего дня», т.е. опять же происходит системная ориентация на наличное, а не на предстоящее. Таким образом, в силу указанных особенностей трансформация образования, не смотря на декларируемую инновационность, фактически консервирует сложившуюся систему подготовки кадров в ее сущностном аспекте, или даже примитивизирует ее. Для понимания ситуации необходимо вспомнить о диалектике формы и

оборонной и других составляющих безопасности государств, а с развитием прогресса эта зависимость будет возрастать. содержания, которая в случае современной трансформации системы образования проявляется в том, так называемые инновации затрагивают форму, а не содержание (сущность). Сущность в данном случае консервативна в силу своей природы и начинает изменяться только с большим запаздыванием и, чаще всего, не в конструктивную сторону.

Россия могла бы сыграть ключевую позитивную роль в происходящих мировых изменениях. Для этого ей требуется сформировать новую элиту. Достаточное условие для такого формирования – властная воля нынешнего руководства страны. Новая элита должна быть нацелена именно под коллективное прохождение кризиса за счет: возвращения олигархических капиталов на родину, национализацию ключевых производственных и добывающих промышленных ресурсов – развитие отечественной промышленности, в целом, и образования, в частности. Именно такие задачи решила в свое время российская элита 30-40-х годов XX в. в качестве единственного средства суверенного выживания России и русских в мире XX в.

В образовании, нам нужно принципиально новое по содержанию и по-новому организованное знание о современном мире в целом и правильные представления о совокупности его элементов. «Нам нужно специализированное знание о путях развития России. Нам нужно знание о верхах и о низах современного мира, о криминальной, по сути, глобальной экономике, о формах манипуляции историческим процессом и о многом другом. Современная западная наука об обществе, триада «экономика – социология – политическая наука», отражающая реалии

уходящего мира и не способна объяснить и адекватно описать нынешний переломный мир. Стоит отметить, что нейтрального знания нет, что нынешняя наука об обществе, как СМИ, кино и т.д. отражает интересы корпоратократии. И так обстоит во всем мире и во всех сферах – от власти до науки» [2].

Игра на понижение образования в социальных целях, в частности, с целью усиления безопасности верхов и их манипулятивных возможностей недальновидна, опасна и контрпродуктивна.

«Дерационализированное, избавленное от «излишних знаний», деисторизированное сознание кардинально облегчает решение задач глобализации и в частности сетцентричных войн. В этом плане можно сказать, что образование, обрезанное по умыслу ли или по простоте, которая, как известно, хуже воровства, ослабляет национальную безопасность России, а за одно – безопасность психоисторическую и цивилизационную» [1].

Для России характерным является то, что модернизация реализуется в виде чередующихся волн. Это свойственно процессам реформирования образования в целом и в частности. Как правило, по всем направлениям изменение образования формируются две основные модели развития. Рассмотрим два таких наиболее значимых полюса. Один называется полюсом «либерализма», а второй называется полюсом «консерватизма». Об этом великолепно написал декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, В. В. Миронов: «С одной стороны, это «радикальный “либерализм”, защищающий права и свободы человека как основополагающие ценности современного общества» [2]. Причем такая «либеральная» модель может

навязываться очень жестко, в том числе, как это ни парадоксально, значительно ограничивая свободный выбор людей в той или иной стране.

Часто реализация такой модели осуществляется, как мы наблюдаем, на примере событий недавнего времени в арабских странах, лишь с помощью военного вмешательства. Оправданием этому часто служит то, что данная модель выступает от имени некой абсолютной истины, которую, в конечном счете, все должны признать. В ряде стран, что характерно и для нас, в ходе реализации такого общественного устройства социальные проблемы большинства населения игнорируются.

С другой стороны, консервативное крыло, сопротивляющееся по тем или иным причинам реформам и выступающее с позиции не менее радикального «государственного патернализма», который якобы покровительствует “маленькому человеку”, однако пренебрегающий экономическими и политическими правами и свободами граждан и не позволяющий вырваться гражданскому обществу в целом.

В результате, процесс модернизации не идет по пути выстраивания компромиссного пространства проведения реформ, а наблюдается «устойчивое чередование» реформаторских и контрреформаторских волн в развитии российского общества.

Кроме того, обществу все время навязывалось представление, что есть группа «либералов», которые хотят проводить реформы, и группа «консерваторов» (прежде всего в лице Московского университета), которые реформы тормозят. При этом как-то уходил в сторону тот факт, что либеральные реформы, несмотря на огромную поддержку власти, тем не менее, приобретали странный

характер, осуществлялись непродуманно и с ошибками» [2].

В итоге, за последние годы в российском образовании накопилось множество проблем. Они ставят под угрозу сохранение высокого образовательного потенциала России. Прежде всего, произошло обесценивание понятия «образование» по содержанию при сохранении высочайшей востребованности образования [3, 4].

Кроме того, В. В. Миронов пишет: «Идеологи реформ постоянно навязывают общественному сознанию мнение, что тенденция роста доли платного образования – это общемировая линия либерального подхода к образованию, и к этому нас призывают стремиться. На самом деле, все обстоит прямо противоположным образом. В Европе в большинстве стран (может быть, кроме Англии) высшее образование остается в основном бесплатным, а в ряде стран это закреплено на уровне основных законов. Платное образование затрудняет преодоление его проблем» [2].

Итак, существуют две тенденции в «реформировании» образования: развитие общества (и развитие образования) или общественная деструкция и примитивизация (и деструкция и примитивизация образования) в угоду властно-экономической глобальной трансформации. Иными словами, образование является основанием для существования и развития общества. Образование является одновременно и результатом, и «инструмент» происходящих социальных изменений.

В связи с этим, особое значение приобретает адекватность понимания происходящих общественных изменений не только в рамках страны, но в первую очередь, в глобальном масштабе. Оригинальное системное объяснение происходящих изменений представлено в недавней работе

А. Фурсова «Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними (Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью?)» [1], где выдвинута и достаточно обоснована гипотеза, что главной особенностью происходящих общественных изменений является наличие *одновременно трех* трансформаций (кризисов), которые ранее осуществлялись (и были успешно преодолены) в истории в различное время и только, теперь впервые происходят одновременно. Это, во-первых, смена форм управления, переход к корпоратократии, аналогичная по масштабу изменения происходили при переходе от феодализма к капитализму. Как основные особенности текущих изменений – снижения веса «материальных» факторов производства по сравнению с «нематериальными» информационными, а также сжатие, если не устранение с исторической сцены, так называемого «среднего класса» и welfare state. Во-вторых, пассионарный напор варварства в различных формах аналогично тому, что происходило при падении Римской империи. В настоящее время напор варварства проявляется не извне, а изнутри социума в следствии дегерационализации и примитивизации общественного сознания, выпадения из социума огромных групп населения, упрощения системы образования ит.п.

По прогнозам, к 2030 году численность самого бедного населения, живущего в фавелах, в мире достигнет 2 млрд. При этом, численность населения планеты достигнет 8 млрд. По мнению специалистов, ни экологически, ни социально-экономически, ни психологически такой численности, такой концентрации бедноты социальные институты мира выдержать не смогут. В вышедшей недавно книге «Сыновья и мировое

господство: роль терроризма в подъеме и падении наций» (*Sohne und Weltmacht: Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen*, 2003) Гуннар Гейнсон пишет о том, что демографический провал наступает тогда, когда в популяции – менее 80 мальчиков на 100 мужчин возраста 40–44 лет. Это ситуация Западной Европы (например, в Германии – 50 на 100, т.е. демографический провал). На Юге ситуация диаметрально противоположная: в секторе Газа (Палестина) это соотношение 464 на 100, в Афганистане – 403 на 100, в Сомали – 364 на 100, в Ираке – 354 на 100. Ясно, что Юг – это демографическое будущее мира: с 1900 по 2000 г. население исламского мира выросло со 150 млн. до 1 200 млн. – 800 % роста; Китая – с 400 млн. до 1 200 млн. – 300 % роста; Индии – с 250 млн. до 1 000 млн. – 400 % роста [5].

Третьей составляющей современных изменений является объективная необходимость изменений сценариев взаимодействия человека и общества с миром природы, что по своим масштабам требуемых трансформаций сравнимо, по мнению А. Фурсова, с масштабами изменений во времена неолитического кризиса при переходе от собирательства и охоты к земледелию и скотоводчеству. Проявлением этого аспекта в общественном сознании являются мировые дискуссии по экологическому кризису и устойчивому развитию, глобальному

потеплению и необходимости трансформации мировой хозяйственной системы, по исчерпаемости природных ресурсов и поиску альтернативных источников энергии, продовольственному кризису и т.п.

Накладываясь одновременно во времени на XXI в. по «принципу матрешки» (вложенности) все три аспекта кризиса требуют ответственного своего осмысления, подготовки людей к жизни в условиях происходящих изменений, к жизни во время, по выражению А. Фурсова, «новых темных веков». Здесь роль адекватной системы образования трудно переоценить, поскольку какой человек будет образован и воспитан, такими и будут «новые темные века», и от воспитания и образования человека зависит, сколько времени они будут продолжаться: десятки лет или же века [6]. А. И. Фурсов считает, что: «Кризиса-матрешки» не избежать – мы уже в нем. Но надо постараться сократить его и «темные века», которые последуют за ним, и пройти оба периода с минимальными потерями для рода человеческого, общества и культуры, поскольку кризис, о котором идет речь, предполагает целый ряд серьезнейших потерь, которые несопоставимы с потерями, которыми грозили позднефеодальный и позднеантичный кризисы» [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Мир**, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними (Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью?) // *De futuro*, или История будущего. – Москва: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. – С. 255–304.
2. **Миронов В. В.** Размышления о реформе российского образования: Доклад на международной научной конференции «Философия и образование в процессе трансформации культуры», посвященной 70-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ имени М.В.Ломоносова. – М.: Изд-во Воробьев А.В., 2011. – 64 с.

3. **Майер Б.О.** О паттерне «double bind» в современном обществе и образовании // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета – 2012. – № 3. – С. 44–55.
4. **Майер Б.О.** Технологическая платформа «Образование»: онтологический анализ // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2(6). – С. 36–47.
5. **Gateson G.** Sohne und Weltmacht // Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen , 2003. – p. 255–304.
6. **Фурсов А. И.** «Реформа» образования в России сквозь социальную и геополитическую призму // Русская народная линия, 07.11.2011. – URL: www.rusline.ru

UDC 316+378

CHANGES IN SYSTEM OF THE MODERN SOCIETY AND REFORM OF HIGHER EDUCATION*D. V. Evzrezov, B. O. Mayer (Novosibirsk, Russia)*

In the article correlate the crisis developing in a modern society with crises of the past. It is marked, that the modern science about a society studies not so much the today's world, how many the world yesterday's. And humanitarian and society science education represent a picture of that world which already finishes the existence as the world varies more quickly, than the modern science is capable to catch it. Occuring changes in the literature name a postmodern, but there is a necessity to define base making epoch of a previous modernist style and the subsequent postmodern as there is a necessity to define as a whole modern transformations of a society to which terminological definitions are not given yet. In the presented context authors analyze problems of education of a science and especially systems of higher education.

Keywords: *crises of social development, a modern picture of the world, transformation of a modern society, system of higher education.*

Mayer Boris Olegovich – Doctor of Philosophy, the professor, the professor of the International faculty of UNESCO MGIMO, the pro-rector on scientific work, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: maierbo@gmail.com

Evzrezov Denis Valerevich – the post-graduate student of faculty of philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University.